

Николай ШАДРИН

г. Курск

Прощание

пасхальный рассказ

В последнее время дед Никита все чаще начал прихварывать: то одно, то другое — изнашивался. И вот приснилось ему, будто он умер. Лежит с подвязанными руками в белой рубашке, на столе. Голосят старухи. Пахнет пихтой.

На полотенцах разложены крашенные яички, стоят куличи — Пасха!

Проснулся дед с тревожным предчувствием важности и высокой тайны того, что ожидало его впереди. Он подробно рассказал сон родным и стал готовиться к смерти.

...Пришел последний день страстной недели, великоденная суббота, и дед Никита с утра тяжело занемог. Весь день он тихо пролежал на железной кровати, сложив руки на груди.

Внук Никитка несколько раз молча подошел к нему и, склонив голову, смотрел с придиричивым осуждением. Поведение деда вызывало в нем недоумение и протест. Усевшись в красном углу под образами, Никитка сначала чуть слышно, а потом все громче и громче зашел:

*Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний пар-рад наступа-ает!*

Дед молчал.

Видя это, Никитка поставил табурет на табурет, долго крутил что-то за иконой, наконец оторвал пихтовые лапки и бросил их на пол.

Дед, вытянувшись и выпучив глаза в потолок, терпел, не желая грешить перед смертью.

Никитка залез на печь и, решив, что за лапки из-за божнички все равно «мало не будет», пустился на крайнее средство: наскреб со спичек в трубку старого ключа серы — оглушительно ба-бахнул!

— Ник-китка! — простонал дед беззубым ртом.

— Че, деда? — весело отозвался внук, но, не дождавшись ответа, опять зарядил ключ и

«ахнул» так, что куры во дворе кинулись врассыпную.

Дед Матвей подтянул ноги и приподнялся на локтях.

— Отец придет, я ведь все расскажу.

— Рассказывай! — поддержал внук, соскребая в ключ серу.

— Совесть-то у тебя есть или уж совсем нету?

— А ты зачем умираешь? — съязвил Никитка.

— Не твое дело.

Внук зажмурился и, отвернув голову в сторону, пальнул опять!

— Ник-китка! Я те вот!

— Не достанешь! — подпрыгнул тот, показывая язык и прячась за трубу.

Дед Никита не выдержал, спустил с кровати отяжелевшие ноги, обулся, запахнулся в полушубок, нахлобучил шапку и вышел на улицу, от греха подальше. Во дворе пахло свежим бельем, пихтовым лапником. По талому снегу поперек двора, высоко поднимая лапки, шел кот.

Дед Никита смел остатки крупяного льдистого снега с плахи, сел, уместив на батожок щетинистый подбородок. Через дорогу, перед кузницей, в чистом лоскуте слежавшегося снега, упруго взбрыкивая ногами, переваливаясь с боку на бок через спину, катался молодой конек.

— Эко добришше, — прошептал Никита, и на глаза ему навернулись слезы. — Вот и пожил!.. Повидал... — и только взгрустнул было о том, что видит все это в последний раз, как от Черешковых вывернулся дед Петро. Неловко надевая шапку и распахнутый полушубок говорили о том, что он уже отметил скорое воскресение Спасителя.

— Здорово были, Никита Ильич! — прокричал он, останавливаясь на виляющих ногах.

— Драстуй-ка, — отозвался дед Никита смиренно, — уже веселай?

— Кто пьян да умен — два угодя в ём! — беззаботно, с проглядывающим презрением пьющего человека к непьющему, ответил дед Петро и устроился рядом.

Некоторое время молчали, глядя на порозовевший в освещении заходящего солнца снег; на гуляющего у самых ног сизаря, с каждым шагом «клюющего» по воздуху точеной головкой. Дед Никита посмотрел в припухшее от выпивок, будто маком присыпанное лицо Петра, хотел было спросить, правда ли, что

умершие в Пасху попадают прямо в рай? Но дед Петро внезапно бросил кисти рук к голубку, птица заплотшно затрещала крыльями и улетела. Горячая волна умиления улеглась, и говорить об ЭТОМ сделалось как-то неловко.

Солнце опустилось за зубчатую гору, ярко высвечивая синие, с золотистым оплавленным краем облака... Сердце в груди деда Никиты встрепенулось, тоскливо зануло, потянулось вверх, будто привязанное к уплывающему солнцу.

— Деда! Мамка йись зовет! — залиvisto прокричал с крыльца внук.

— Ты почему такой хлопуща-то?! — в досаде изумился дед. — Кто зовет? Она где?

— Пришла-а! Она с работы через огород ходит! Велела живо идти — пельмени на столе!

— Ешьте без меня, — отмахнулся дед. Чуть наклонился вперед, заглянул Петру в лицо и, легонько хлопнув его по твердому колену, встал.

— Пройдусь маленько, — прошамкал он.

— Пройдись, пройдись, — закивал Петро.

От встречи с Петром на душе остался горьковатый осадок: вот ведь всю жизнь телелесил, ни богу свечка, ни черту кочерга — а живет!..

Из широкой, закрытой грязно-синим льдом реки взгорбился и будто приподнялся рыжий обтаявший остров. Здесь и там выступали огороженные сосновым лапником проруби, тянулась вдоль берега желтой полосой полынья. Весна пришла ранняя, недружная: то таяло, то круто подмораживало. Дороги развозило, снег набухал водой — и вдруг схватывался настом. Уж больше двух недель, как отпарило лед от берегов, но опять завернули морозы, и полынья вдоль берега затянулась новым гладким льдом. С высокого яра дед Никита долго смотрел на черные, иссеченные трещинами, заросшие лесом скалы той стороны.

— Прощайте, — выговорил он, заморгал, засопел носом.

Из-под яра поднялась круглая, гладко обернутая в шерстяную коричневую шаль голова, показались плечи, коромысло — Алена!.. В груди деда Никиты охнуло, радостно обмерло, заставляя забиться сердце новым, робким волнением. Бабка Алена, вытянув губы, осторожно дышала ртом; рука ее на коромысле мелко мелко дрожала, деревянные кресты в ведрах слепо тыкались в стенки.

— Давай подсоблю! — отчаялся дед, хоть в их деревне мужику по воду ходить считалось неприлично. Бабка Алена качнула головой, прижав губами улыбку.

— А говорили, будто ты маленько захворал?

Дед Никита на мгновение замер, не сразу понимая о чем? Вдруг махнул рукой и стыдливо усмехнулся.

— Говорили, будто плохой...

— Звонят! Привязалось было что-то... А счас — нет! — отрезал он с молодецкой беспечностью.

Слышно было, как здесь и там вздыхает подтаявший снег, шелестит в заламах иссосанный оттепелью лед.

— Ну дак... ждут меня, — и, наклонив голову, придерживая коромысло, Алена плавно двинулась в проулок.

Дед Никита с забытой улыбкой на губах провожал ее грустными глазами, угадывая в сгорбленной, немощной фигуре одному ему памятную, давно ушедшую красу. Накатило, вспомнилось, как был смертным боем бит за нее. Как мазал темной ночью воротние столбы медвежьим салом, как кони свадебного поезда храпели, вставали на дыбы, не желая идти в ворота, но мужики, смекнув, в чем дело, сломали забор — и вышла она замуж за Петра.

— Де-да-а! Папка пришел! За стол не садится — тебя ждет! — зазвенел, выскакивая на яр, раскрасневшийся на бегу внук. — Ждем-ждем! Пойдем, деда!

Дед посмотрел долгим взглядом, все более и более приходя в беспечно радостное состояние. И с легким сердцем, быстрой, сбивающейся походкой направился вслед за Никиткой в деревню, к дому.

В двенадцать часов, как обычно на Пасху, по всей деревне загрохотали выстрелы: часто бухало у соседей, с оглушительно-хлестким эхом стрелял с крыльца сын, доносило дробный гул с дальних концов деревни. И время от времени в общий беспорядочный ружейный треск вривался короткий нахальный хлопок.

«Никитка, варнак, из ключа жахает!» — беззубо улыбался дед. И ему до слез радостно делалось от этих негромких, сухих Никиткиных хлопков.

Всю ночь он не мог заснуть от странного, никогда прежде не испытанного томительно-радостного волнения. И уж перед самым утром все яснее и яснее стал понимать то, что оправдывало, объясняло и высоко подымало значение его жизни и всех его окружающих! Со слезами тоски и умиления он понимал, что таинство жизни — в самой жизни, в радости и любви к ней! И что нет и не может быть никакого таинства смерти. Но передать того, что открылось ему, — никому не успел.

Дед Никита отошел на рассвете дня, когда все еще спали последним сладким сном.

□

Николай Иванович ШАДРИН

родился в 1947 году в дер. Бирюса Красноярского края.

Окончил актерский факультет Дальневосточного института искусств.

С 1977 года — актер Курского драматического театра им. А. С. Пушкина.

Прозаик.

Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Север» и др.

Автор ряда книг, в числе которых «Там, в краю далеком...» (1989),

«...А люди в нем актеры» (1993), «Надежда — жизнь» (2002),

«Китеж-град» (2002), «Бог простит» (2003),

«Без царя» («Le Temps des Troubles», 2004, издана на фр. яз. в Париже).

Лауреат Всероссийского конкурса им. В.Шукина (1999),

Всероссийского конкурса «Российский сюжет»,

В 2010 г. — премия журнала «Москва» за повесть «Небо в алмазах» и пр.

Член Союза писателей России.

Живет в Курске.

